

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ГРУППЫ В СИРИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКО-РИМСКОГО ВРЕМЕНИ *

История сирийского общества эпохи эллинизма и римского господства уже давно привлекает внимание специалистов. Проблемы его социально-экономического и политического развития ставились в многочисленных специальных исследованиях, а также в обобщающих работах, посвященных истории эллинизма, Селевкидской монархии и восточных провинций Римской империи. Итоги этой огромной работы были в свое время подведены в трудах М. И. Ростовцева по социально-экономической исто-

* Доклад прочитан на конференции по проблемам античности в Москве 27 мая 1968 г.

ри эллинистического мира¹ и Римской империи², а в советской литературе — в монографиях А. Б. Рановича³.

В изображении М. И. Ростовцева Сирия эллинистического времени как интегральная часть Селевкидского государства — это страна, подвергшаяся интенсивной греческой колонизации, отличающаяся развитой полисной организацией. На царских землях собственником оставался царь, однако здесь было возможно условное владение землей; основная ее масса обрабатывалась наследственными арендаторами — *λαοί*, прикрепленными к своей общине и к тому участку, на котором они трудились. На полисных землях господствовала частная собственность на землю и существовало крупное землевладение. В Сирии III—I вв. до н. э. бурно развивались ремесло и торговля. Период римского господства — время мира и экономического подъема, в особенности расцвета ремесла и торговли, время постепенной концентрации земельной собственности в руках горожан-землевладельцев и прихода в господствующие слои «новых людей».

Картина, которую рисует А. Б. Ранович, во многом напоминает построение М. И. Ростовцева, хотя А. Б. Ранович и резко полемизирует с ним по ряду пунктов. Отметив интенсивную урбанизацию государства Селевкидов и распространение полисной системы, А. Б. Ранович решительно выступает против представлений о Селевкидской державе как о феодально-крепостнической (концепция М. Вебера, М. И. Ростовцева). С его точки зрения, на Востоке не было феодальной зависимости крестьян и феодальной собственности; крестьяне владели землей по праву своей принадлежности к общине; от нее же получил право верховной собственности на землю сам царь или бог; частная земельная собственность появляется здесь в эллинистическое время как античная собственность благодаря приписке бывшей царской земли к территории греческих (т. е., видимо, эллинистических) полисов. Крестьяне — *λαοί*, — не были ни рабами, ни крепостными, они привязаны к своей *ἰδία*, но именно потому, что только в *ἰδία*, пережитке древней общины, они могли владеть землей. Верховным владельцем земли был царь, но именно как носитель царской власти, а не лично; собственности на землю на Востоке вообще не было, а лишь владение ею. В целом же для Селевкидского государства (А. Б. Ранович говорит о Малой Азии, но это же, несомненно, относится и к Сирии) характерен переход от восточных аграрных отношений к античным. Говоря о времени римского господства, А. Б. Ранович вслед за М. И. Ростовцевым обращает внимание на экономическую разнородность и политическую раздробленность отдельных областей провинций, постепенную ликвидацию привилегированного положения «вольных» городов, концентрацию земли в руках крупных землевладельцев — императора, членов его семьи и приближенных.

Очевидно, важнейшей задачей современной историографии эллинистическо-римской Сирии продолжает оставаться установление социальной структуры сирийского общества. Упоминания о рабах, крупных рабовладельцах и т. п., которые мы находим в общих и специальных работах⁴, далеко не достаточны. Между тем, решение этой задачи невозможно без достаточно строгой и последовательной классификации отдельных явлений социально-экономической жизни. Так как исследователи не проводят ясного разграничения между понятиями собственности и суверенитета⁵, возникает

¹ M. Rostovtzeff, *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, Oxf., 1941 (далее — SEHW).

² M. Rostovtzeff, *The Social and Economic History of the Roman Empire*, Oxf. 1926 (далее — SEHRE).

³ А. Б. Ранович, *Эллинизм и его историческая роль*, М.—Л., 1950; он же, *Восточные провинции Римской империи*, М.—Л., 1949.

⁴ M. Rostovtzeff, SEHW; он же, SEHRE; он же, *La Syrie Romaine*. «Revue Historique», 175, 1935.

⁵ Подробно о современном состоянии проблемы см. И. М. Дьяконов, *Проблемы собственности*, ВДИ, 1967, № 4, стр. 13—35; ср. также Э. А. Менабде, *Проблема собственности в древнем мире*, «Дзвели истორის საკითხები», Тбилиси, 1970, стр. 31—63. Особая сложность вопроса объясняется в данном случае тем, что власть верховного владыки предполагала в древности осуществление правомочий как суверена, так и собственника.

теория так называемой «царской» земли, которая, как считают, была царским домом и не могла, оставаясь царской, становиться в то же время собственностью частных лиц⁶. Противоречивые суждения о статусе лиц, обозначаемых термином *λαοί*⁷, объясняются не только крайней скудостью и случайностью дошедшей до нас информации, но и отсутствием четкого разграничения между подданством и личной зависимостью, а также неправомерным, по-видимому, отождествлением барщинного хозяйства непременно с крепостничеством и феодализмом. Теоретически ничто не мешает предполагать наличие барщинного хозяйства с рабами или зависимыми, посаженными на землю, задолго до возникновения феодальной в строгом смысле слова общественной организации⁸. Непоследовательное применение уже выработанных в науке дефиниций привело к тому, что появление частнособственнических отношений и полисной организации на Ближнем Востоке, вопреки даже очевидности, относят к эллинистическому времени и связывают, как мы уже говорили выше, с установлением здесь под преобладающим греческим влиянием «античных» отношений⁹.

Между тем, проблема внутренней структуры общества, динамики его развития и его внутренних взаимосвязей значительно сложнее, чем это представляется на первый взгляд.

Когда рассматривается вопрос о социальной структуре того или иного древнего общества, то, очевидно, имеется в виду выделение, во-первых, классов, т. е. таких групп людей, которые различаются «по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»¹⁰, и, во-вторых, — поскольку «в рабском

⁶ M. R o s t o w z e w, Studien zur Geschichte des Römischen Kolonates, Lpz, 1910, стр. 247—249; E. B i k e r m a n, Institutions des Seleucides, P., 1938, стр. 183 (по мнению Э. Бикермана, на царских землях возможна квази-собственность местных жителей); C. B. W e l l e s, Royal Correspondence of the Hellenistic Period, New Haven, 1934, стр. 96; T. Z a w a d z k i, Zagadnienie struktury agrarno-społecznej krajów Małozajaczych w epoce Hellenizmu, Poznań, стр. 15—21. Ср. применительно к римской Сирии F. M. H e i c h e l h e i m, Roman Syria, ESAR, IV, Baltimore, 1938, стр. 145. А. Б. Ранович (Эллинизм..., стр. 175) полагал, что царь в эллинистическое время был верховным владельцем земли, но лишь в качестве суверена.

⁷ Как уже говорилось, обычно в литературе *λαοί* характеризуются как *glebae adscripti* или «крепостные» (R o s t o w z e w, Studien, стр. 258; он же, SENHW, стр. 507—508; Welles, Royal Correspondence, стр. 94; B i k e r m a n, Institutions..., стр. 136—138; В. Т а р н, Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 136—138). А. Б. Ранович (Эллинизм..., стр. 155—156) видел в *λαοί*, о чем мы также упоминали, лично свободных общинников, их отчуждение, по его мнению, представляло собой лишь передачу доходов, которые ранее поступали в царскую казну. К. К. Зельин полагает, что основное ядро *λαοί* составляли мелкие арендаторы царской, храмовой и частных земель, которых он называет «полурабскими издольщиками» (К. К. З е л ь и н, Основные черты эллинизма, ВДИ, 1953, № 4, стр. 148). По мнению А. Г. Бокщанина (Парфия и Рим, М., 1960, стр. 138—140), *λαοί* считались царской собственностью.

⁸ В. И. Ленин, характеризуя барщинное хозяйство и отмечая как одно из условий его преобладания личную зависимость крестьянина от помещика, необходимость внеэкономического принуждения крестьян к труду на эксплуататора, подчеркивал: «Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина» (В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 185). Отсюда следует, между прочим, что личная зависимость крестьянина от эксплуататора вовсе не обязательно связана с утратой формальной свободы. В. И. Ленин указывает и на другое условие преобладания барщинного хозяйства — прикрепление крестьянина к земле (там же, стр. 184). Но ведь и прикрепление к общине — это, учитывая общую ситуацию, в конечном счете прикрепление к земле. Отсюда следует, в свою очередь, что любая из предложенных реконструкций правового и хозяйственного статуса *λαοί* не исключает их эксплуатации в барщинном хозяйстве, тем более, что среди их повинностей предусматривается *φερος λητουργικός*. Впрочем, возможна и их эксплуатация в оброчном хозяйстве (взимание *φερος ἀργυρικός*). Однако, с нашей точки зрения, и то, и другое можно относить только к лично зависимым *λαοί* — *σφρατὰ λαϊκὰ οἰκῆται*.

⁹ См. Р а н о в и ч, Эллинизм..., стр. 158.

¹⁰ В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения¹¹ и «классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями»¹², — сословий, т. е. групп людей, которые различаются своим юридическим местом в государстве. Само собой разумеется, что исследование классовой структуры невозможно без решения вопроса об отношениях собственности на орудия и средства производства, прежде всего на землю, а выявление сословной организации — без изучения структуры государства, так как юридический статус определенных групп населения прямо зависел от статуса территорий, на которых они жили.

В период эллинизма на территории Сирии существовали две группы территорий, которые имели различный юридический статус: полисные (находившиеся под юрисдикцией городов как суверенных политических организмов и, соответственно, изъятые из-под непосредственного контроля царской администрации) и царские (те, которые находились под царским суверенитетом и, соответственно, под прямым контролем царской администрации). Это разделение определялось самой структурой эллинистической государственности, когда города, не будучи интегральной частью государства, находятся с главою последнего в сложных отношениях союза и зависимости¹³.

Соответственно и само общество по признаку гражданского статуса может быть разделено на две основные группы. В первую войдут лица, находящиеся под юрисдикцией городских властей, — как свободные (граждане, а также метеки или иные группы свободного населения, лишенного — полностью или частично — гражданских прав), так и рабы. Во вторую, естественно, — группа населения, находящаяся под властью царя. В связи с этим встает вопрос о правовом положении эллинистических *λαοί*¹⁴.

В документах, происходящих из Сирии и Малой Азии, они выступают либо как объект царской собственности (и в этом случае отчуждаются вместе с имуществом в пользу частных лиц¹⁵), либо как объект частной собственности (в одном случае они закладываются либо входят в состав имущества, подлежащего разделу¹⁶, в другом — они суть объект собственности, правовой статус которого определяется царским постановлением после перехода данной территории из одного государства в состав другого¹⁷). При этом создается впечатление, что *λαοί* всегда подневольные люди; однако это впечатление ошибочно. Не говоря уже о том, что в одном из документов речь идет об обеспечении за *λαοί* (в данном случае *λαοί βχισιτικοί*) права на убежище в крепости, которую предполагается передать частному лицу (OGIS, 221), известный и многократно цитировавшийся папирус SB, 8008 указывает на четкое подразделение *λαοί* на две группы: *λαοί-рабов* (σφραγτὰ λαϊκά οἰκητικά), продажа или отчуждение иным способом которых не является противозаконным деянием, и *λαοί-свободных* (σφραγτὰ λαϊκά ἐλευθέρη), продажа которых возбраняется. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что наряду с отчуждением поселений вместе с *λαοί*, документами засвидетельствована и аналогичная операция без оговорок относительно *λαοί*¹⁸; в последнем слу-

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311.

¹² Там же. Далее В. И. Ленин говорит о классах-сословиях рабовладельческого и феодального обществ.

¹³ См. подробно P. Zancan, Il monarcato ellenistico nei suoi elementi federativi, Padova, 1934; A. Heuss, Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und völkerrechtlichen Beziehungen, Lpz, 1937.

¹⁴ Подробно см. И. Ш. Шифман, «Царские люди» в эллинистической Сирии и Малой Азии, ПС, 19, 1969, стр. 32—38. Там же указана и основная литература вопроса.

¹⁵ Именно такова ситуация в известном документе о продаже Паннукоме Лаодике (OGIS, 225 = WC, 18—20): здесь отчуждаются *τοποι* с относящимися к ним *λαοί* со всем их имуществом, а также те *λαοί*, которые переселились в другие места.

¹⁶ Так обстояло дело в хозяйстве Мнесимаха: W. H. Buckler, D. M. Robinson, Greek Inscriptions from Sardes, I, AJA, 16, 1912, стр. 1—82.

¹⁷ См. Y. H. Landau, A Greek Inscription Found near Hefzibah, IEJ, 16, 1966, стр. 54—70.

¹⁸ Таковы пожалования поселений Аристодику (OGIS, 221 = WC, 11—13), а также храму в Бэтокеке (IGRR, III, 1020 = OGIS, 262 = Wadd., 2720a).

чае, как позволяет предположить аналогия с талмудическим узаконением¹⁹, речь шла о продаже земельного фонда и недвижимости. Население должно было, очевидно, вступать с новым собственником в отношения арендные. Как бы то ни было, приведенные факты свидетельствуют с достаточной определенностью, что принадлежность к сословию *λχοί* не определялась свободным или несвободным состоянием данного лица. Существенно, однако, то обстоятельство, что *λχοί* постоянно оказываются в сфере царской юрисдикции. Это (наряду с прямым обозначением *λχοί βασιλικοί*) свидетельствует, как нам кажется, что термин *λχοί* обозначались лица, находившиеся непосредственно под властью царя, в сфере царского суверенитета; среди них могли быть как свободные, так и подневольные, в том числе и лично зависимые от царя.

Сирийские города эллинистическо-римского времени восходили, с одной стороны, к греко-македонской колонизации, в особенности первых Селевкидов (Антиохия, Лаодикея, Апамея, Селевкия Пиерия, Росос, Александрия при Ипсе и др.)²⁰, и, с другой стороны, продолжали традицию местной городской организации (финикийские города средиземноморского побережья, Дамаск, Халеб-Берэя, Пальмира и др.). Принесенная греками форма политической организации целиком соответствовала сложившимся еще в доэллинистическое время представлениям о полисе как о естественно сформировавшемся гражданском коллективе, осуществляющем свой суверенитет над определенной территорией и располагающем как коллективными (совет, народное собрание) органами власти, так и более или менее развитой системой магистратур. Хотя наши сведения об организации сирийского доэллинистического города крайне скудны и в ряде случаев мы вынуждены исходить из данных, например, о государственном строе Карфагена²¹, предполагая его естественную близость в наиболее существенных чертах к государственному строю финикийской метрополии, тем не менее, несмотря на все это, можно утверждать, что греки застали, во всяком случае на территории Сирии, городскую организацию, типологически близкую полисной, если не тождественную ей.

Как показывает эль-амарнская переписка, уже в середине II тыс. до н. э. Сирия и Палестина представляли собой конгломерат городов-государств, каждое из которых осуществляло свою власть не только в пределах городских стен, но и над более или менее значительной сельскохозяйственной округой. Вблэйская нарративная традиция, клинописные источники, повествования античных авторов от Геродота до Полибия и Страбона, многочисленные надписи показывают, что подобные города с более или менее ограниченным суверенитетом (но тем не менее суверенитетом!) имелись здесь и в первой половине I тыс. до н. э. в рамках древневосточных территориальных монархий, с царями которых эти города были связаны отношениями данничества при сохранении определенной самостоятельности как во внутренних, так и в международных делах. Особенно показательны указания надписи KAI. 14, согласно которой «владыка царей», по всей видимости персидский царь, пожаловал сидонскому царю (т. е. подчинил суверенитету Сидона) ряд территорий на средиземноморском побережье.

Гражданские коллективы при определенных условиях выступали как суверенные политические организмы, коллективно решающие основные проблемы своей жизни (Mercer, I, 100; II, 333; Jes. 10, 6; I Sam. 6, 20—21; 11, 1—4). Источниками засвидетельствованы для этих городов как коллективные органы самоуправления — совет ста-

¹⁹ Мишна, Бава Батра, 4, 7: «Тот, кто продает город (*h'ur*), продает дома, ямы, колодцы и пещеры, бани, голубятни, давяльни и постоянный двор, но не движимость. А если он (продавец. — И. Ш.) скажет ему (покупателю. — И. Ш.): он, и все, что в нем, даже если есть в нем скот (*bhmh*) и рабы (*'bdym*), — вот, все это продано». Поражает почти полное совпадение по содержанию этой формулы с OGIS, 225: и там, и здесь для того, чтобы люди, оказавшиеся объектом сделки, считались проданными, необходима специальная оговорка.

²⁰ V. Tschirikover, Die hellenistische Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit, Lpz., 1927. Об основании Герасы Александром Македонским см. H. Seyrig, Antiquités syriennes — 87, «Syria», 42, 1965, стр. 25—28.

²¹ И. Ш. Шифман, Возникновение Карфагенской державы, М.—Л., 1963.

рейшин (Jes. 9, 11; I Sam. 11, 1—3; Jez. 27, 9; Iust. 18, 4, 15) и народное собрание (Gen. 23, 10; 34, 20; Iud. 6, 26—31; 8, 5—19)²², так и магистраты (Jud. 8, 6; 9, 30; I Reg. 22, 26—27). Описание Карфагена у Аристотеля (Polit. 2, 8) позволяет проследить развитие этой системы на пунийской почве, несомненно, по финикийским образцам. Иными словами, тот тип организации, который был создан греками, не представлял собой для Сирии чего-то необычного, а его введение и внедрение не могло носить характера переворота и ломки всех общественных отношений. Сказанному не противоречит наличие монархического строя в отдельных городах-государствах Сирии; достаточно вспомнить тиранни классической Греции и указания Аристотеля в «Политике» на возможность возникновения в рамках полисного строя режима единовластия — монархии и тираннии.

На этой основе оказался возможным создание, видимо в ходе постепенного развития, единообразной полисной системы, продолжавшей как греческую, так и местную традиции. Естественно, что в условиях греческого господства сама система приобрела греческий характер; впрочем в Пальмире завершение эллинизации относится, видимо, уже к I в. н. э.²³

В области земельных отношений на территориях, находившихся под юрисдикцией полисов, следует отметить наличие частной собственности на землю²⁴. Как показали материалы, происходящие из Угарита²⁵, частная собственность на землю известна здесь по крайней мере начиная со второй половины II тыс. до н. э.; соответственно представление о том, что становление частнособственнических отношений неразрывно связано со становлением введенной будто бы греками античной системы, оказывается несостоятельным. Греки, сселившиеся в Сирии, попали в среду, где имущественные отношения существенно не отличались от таковых же в самой Греции.

Осуществление частной собственности на землю создавало естественные предпосылки для возникновения крупного землевладения и социальной дифференциации в среде свободных. Аналогичные предпосылки создавало и развитие интенсивной торговли (известны, в частности, контакты сирийских городов с Делосом²⁶, Афинами²⁷ и т. д.). Однако прямыми сведениями на этот счет мы не располагаем.

Совокупность граждан, разделенных на филы и демы²⁸, представляла собой замкнутый коллектив, доступ в который был затруднен. Отношение городов к царю представлялось формальным согласием²⁹; весьма часто речь идет о взаимном «благоволении», «преданности»³⁰ и т. п.

Понятно, что в условиях эллинизма царь осуществлял свою власть над городом: она выражалась в том, что город должен был свою политику согласовывать с царем; граждане города обязаны были выплачивать подати, взыскиваемые в порядке осуще-

²² О коллективных органах власти в Библие см. J. W i l s o n, The Assembly of a Phoenician City, JNES, 1954, № 4, стр. 245; М. А. К о р о с т о в ц е в, Путешествие Ун-Амуна в Библ, М., 1960, стр. 60.

²³ Так, видимо, только в I в. н. э. семитский термин *gbl* — «народное собрание» (CIS, II, 3323; Inv. IX, 12) был вытеснен в Пальмире греческим *δημος* (соответственно *dmws*).

²⁴ См. P. S. - A r i s t., Оес., 2, 3, 5; IMI, IV, 1261 (надпись происходит из Лаодикеи Приморской и датируется 174 г. н. э.).

²⁵ Обзор материала см. М. Л. Г е л ь ц е р, Некоторые вопросы аграрных отношений в Угарите, ВДИ, 1960, № 2, стр. 87—89.

²⁶ Ср. S. R e i n a c h, Fouilles de Délos, BCH, 7, 1883; стр. 462—476; F. F o u c a r t, Les associations religieuses chez les Grecs thiasos, eranes, orgéons, P., 1873; стр. 223—225, № 43; надписи: IG, XI, 777, 815, 772, 773, 774, 816, 601, 600, 11141.

²⁷ KAI, 53—60; Syll. 355; SEG, II, 330; IV, 601; PCZ, 59012.

²⁸ Так было в Селевкии Пнирии (IMI, IV, 1183), Антиохии (L i b a n., Orat. pp. 286, 354, 651) и, видимо, повсеместно. Есть основания полагать, что система городских фил существовала и в Пальмире (ср. Inv. X, 44).

²⁹ Ср. OGIS, 221: *πολύν τῶν ἐν τῇ χώρῃ τε καὶ συμμάχων τῶν πόλεων τῶν ἐν τριετήρῃ συμμάχων*.

³⁰ OGIS, 12, 223, 229. Термин *εὐνοία*, однако, не имел публично-правового характера и не определял статуса полиса.

ствления публично-правовой власти³¹; в городе находился царский чиновник-эпис-
тат³², с которым городские власти должны были согласовывать свою политику. В то
же время царь не мог предписать городу осуществление тех или иных действий; как
правило, он обращался к нему с просьбами или советами³³.

В конечном итоге возникает определенное равновесие, которое можно условно
обозначать как систему двойного суверенитета царской власти и полиса при очевид-
ном верховенстве царя.

Как уже говорилось, царская земля представляла собой объект прямого царского
суверенитета. Вряд ли есть необходимость повторно останавливаться на характер-
истике ее населения. Представляется, однако, существенно важным отметить следующее.
В документах об отчуждении царской земли имеется указание, согласно которому лицо,
в чью пользу земля отчуждается, приобретает право приписать эту землю либо к од-
ному из определенных городов, либо к любому городу, к какому пожелает³⁴. Уже
сама эта формулировка, свидетельствующая о праве, а отнюдь не об обязанности соот-
ветствующего лица, вызывает мысль о том, что это право даруется как своеобразная
привилегия. Однако более того: в одном из документов (OGIS, 225) предусматривается
случай, когда покупатель не приписывает землю к какому-либо полису; в этом случае
те лица, которые приобретут у данного человека эту землю, приобретают и дарованное
первому получателю право приписать ее к любому городу. Иными словами, существо-
вание собственности частных лиц на землю, находившуюся под царским суверенитетом,
признавалось возможным и, надо полагать, фактически имело место. В связи с этим
можно думать, что система крупных земельных владений, находившихся за пределами
полисной округи, восходила уже к эллинистическому времени³⁵.

Однако и известная надпись Мнесимаха³⁶, и надпись, посвященная статусу хра-
ма в Бэтокеке (IGRR, III, 1020), показывают, что царь мог отобрать землю у одного
владельца и передать ее другому, иначе говоря, наряду с правами суверена царь со-
храняет за собой и в этом случае некоторые правомочия собственника, а вся правовая
ситуация может быть охарактеризована как разделенная собственность: верховная —
царя — и подчиненная — частных лиц. Археологические наблюдения Ж. Чаленко³⁷
позволяют предполагать, что верховная собственность на землю перестает существо-
вать под властью римских императоров.

В период римского господства (I—III вв. н. э.) источники, преимущественно над-
писи этого времени, а также указания нарративной традиции, позволяют разглядеть
в городах более отчетливо местную аристократию как греческого, так и собственно
сирийского (арамейского, финикийского) происхождения. Эти аристократы проходят
местную карьеру и совершают затраты в пользу города, исчисляемые подчас десятками
тысяч драхм³⁸, что само по себе достаточно показательно. То обстоятельство, что зем-
ля остается объектом купли-продажи³⁹ и продолжается процесс ее перераспределения
и концентрации, позволяет, несмотря на отсутствие прямых указаний, утверждать,
что экономической основой благосостояния этой аристократии было по-прежнему
крупное землевладение. Наряду с этим, особенно в таких пунктах, как Пальмира (но,

³¹ О налоговой системе государства Селевкидов см. P. s. - A r i s t., Оес. 2,1,4; I Macc. 10, 29—30; 11, 34—36; F l a v. I o s., Ant. 12, 155.

³² Так было, в частности, в Лаодиеке Приморской (IMI, IV, 1261).

³³ Ср., например, OGIS, 221.

³⁴ Ср. OGIS, 221 и 225: $\chi\lambda\iota\ \kappa\alpha\tau\alpha\ \epsilon\pi\iota\ \tau\eta\ \pi\alpha\sigma\phi\epsilon\rho\omicron\mu\epsilon\eta\ \pi\rho\acute{o}\varsigma\ \pi\acute{o}\lambda\iota\nu\ \eta\upsilon\ \alpha\nu\ \beta\omicron\upsilon\lambda\eta\tau\alpha\iota$.

³⁵ Ср. Н. В. Пигулевская, Города Ирана в раннем средневековье, М.—Л., 1956 стр. 23—28.

³⁶ Buckler, Robinson, Greek Inscriptions..., стр. 1—82.

³⁷ G. T c h a l e n k o, Villages antiques de la Syrie du Nord, I—II, P., 1953.

³⁸ Соответствующий пальмирский материал: Inv. I, 2; CIS, II, 3914, 3934, 3942; H. I n g h o l t, Deux inscriptions bilingues de Palmyre, «Syria», 13, 1932, стр. 278—291, № 1. Материалы из Дура-Европос: ED, III, № 157; VII—VIII, № 867—869, 875; II, стр. 92—93; V, № 418; C u m o n t, 1, 91, 116, 118, 134. Материалы из Герасы: G, 2, 6, 52, 49, 15, 26, 62.

³⁹ Прямые указания на этот счет содержат документы из Дура-Европос: DEPP, 15, 17, 23, 25, 26.

видимо, не только там), важным источником средств для местной аристократии была торговля, преимущественно посредническая. В Пальмире известны семьи, представители которых на протяжении ряда поколений профессионально занимались организацией караванов в Спасинов Харакс и другие пункты Месопотамии ⁴⁰.

Наряду с этим мы можем более отчетливо представить себе и массу рядовых свободных: держателей мелких ремесленных мастерских, торговцев вразнос (их упоминает, в частности, пальмирский пошленный тариф, CIS, II, 3913), разорившихся горожан, отдающих детей в обучение ремеслу. Как показывают документы из Дура-Европос, социальная дифференциация в среде свободных в I—III вв. приобретает особую остроту: разорившиеся люди оказываются вынужденными прибегать к займам под условием выполнения, вместо уплаты процентов, «рабской работы» вплоть до возвращения занятой суммы, т. е. практически, по-видимому, в большинстве случаев бессрочно ⁴¹. В результате появляется своеобразная зависимость, при которой зависимый сохраняет формально свой статус свободного, фактически же превращается в подневольного работника. Уже в I в. н. э. засвидетельствован патронат: в Пальмире первоначально в виде зависимости от богатого и влиятельного соседа ⁴²; кроме того, фактической клиентелой была, по-видимому, зависимость от «друзей» и «благодетелей» ⁴³; наконец, сравнительно поздно, в III в. н. э., появляется и самый термин «патрон» ⁴⁴. Как показывает материал, происходящий из Пальмиры, в III в. среди клиентов лиц, группировавшихся вокруг династии Одената — Зенобии, были и представители местной аристократии. По данным из Антиохии в IV в. н. э. там бесспорно существовал колонат, выросший из арендных отношений ⁴⁵. Имелась ли подобная форма зависимости в Сирии в более ранний период, источники не дают возможности установить. Не ясно также, в какой степени указанные выше формы зависимости могли подготовить возникновение колоната, хотя какая-то генетическая связь между ними и последним, видимо, существовала.

Особую роль в среде свободных начиная с I в. н. э. играют римские граждане — как те из них, которые получили вместе с гражданством налоговый иммунитет ⁴⁶, так и ветераны, обладавшие гражданскими правами, в том числе и *ius conubii*, но (вплоть до времени Домициана) без налогового иммунитета ⁴⁷. При Домициане, как известно, иммунитет был распространен на всех ветеранов, приобретавших римское гражданство ⁴⁸. С течением времени численность римских граждан, обладавших также и местным гражданством, очевидно, возрастала. Располагая значительными средствами, они, естественно, вливались в верхние слои местного общества, проходили местную карьеру и т. п. ⁴⁹; особенно существенным кажется, что в городах появляются и римские граждане — ветераны местного происхождения, принимающие активное участие в жизни полиса ⁵⁰. В результате в городах создавалась все более расширяющаяся и вли-

⁴⁰ Такова, в частности, семья Марка Ульпия Йархайа (Inv. X, 81, 107, 111; CIS, II, 3928, 3960—3961).

⁴¹ DEPP, 17B, 20, 21. Там же указана и литература вопроса.

⁴² Термином гр. этимологически близким к арабскому *ḡar*^{un} — «сосед», «клиент» (см. А. Г. Лундин, Южная Аравия в VI веке, М.—Л., 1961, стр. 106) и еврейскому *ger* (ср. Deut. 5, 14), которым обозначался неполноправный поселенец, в Пальмире имелся патрон (CIS, II, 4035, 4218, 3972, 3973).

⁴³ CIS, II, 3973, 3937, 3960, 3940; Inv. III, 23.

⁴⁴ CIS, II, 3940, 3941, 3943, 3944.

⁴⁵ Г. Л. Курбатов, Ранневизантийский город, Л., 1962, стр. 25—28.

⁴⁶ Согласно IMI, I, 718 из Рососа (конец 30-х гг. н. э.), в соответствии с законом Лутация и Эмилия было предоставлено римское гражданство наварху Октавиана, родосцу Селевку, сыну Феодота, с предоставлением налогового иммунитета и подсудности римским властям.

⁴⁷ Согласно SEG, IX, B, III (7/6 г. до н. э.), лица, получившие римское гражданство, были обязаны участвовать в выполнении местных повинностей; исключения допускались только в тех случаях, когда иммунитет был специально оговорен.

⁴⁸ «L'Année épigraphique», 1910, № 75.

⁴⁹ Многочисленные надписи, содержащие соответствующие материалы, см. в IGRR, III.

⁵⁰ Особенно показательны данные из Герасы: G, 42, 52, 58, 199.

ятельная прослойка общества, представители которой, используя полисную систему для укрепления своего положения, оказывались в большей или меньшей степени изъятими из-под контроля полисных властей, оказывались непосредственно в сфере юрисдикции властей имперских. Тем самым был подготовлен эдикт Каракаллы, превративший все население Империи в подданных императора.

Рабы в документах I—III вв. засвидетельствованы как объект отчуждения и собственности⁵¹. Однако, судя по имеющимся данным, рабы могли и владеть определенными имуществами, передавать их по наследству и принимать наследство (ср. надпись из Антиохии; Ant. II. 33), а также активно участвовать в деловой жизни, в том числе финансировать широкомасштабные торговые операции (Dig. 45, 1, 122, 1). Все это не вяжется с представлением о рабах как только об эксплуатируемых, только объектах собственности. Значительные размеры приобретает в этот период вольноотпущенничество⁵². Вольноотпущенники, видимо, сохраняли связь со своими прежними владельцами; в их руках, насколько об этом можно судить, сосредоточивались значительные денежные средства.

В I—III вв. приобретают ясные и законченные очертания как сфера полисного суверенитета, так и сфера верховной власти императора над полисом. Мы видим полисные органы власти (совет, народное собрание, магистратов) действующими, причем, не только в сфере принятия почетных декретов или строительства. Они принимают постановления и законы, определяющие экономическую и правовую жизнь данного общества (пальмирский пошлинный тариф — CIS, II, 3913; аналогичное установление из Коады — IGRR, I, 1283; постановление совета Тира о statio тирян в Путолах — IGRR, I, 421). Подавляющее большинство сирийских городов чеканило собственную монету. Соответственно вряд ли можно признать обоснованным представление о неразвитости или угасании полисной жизни в Сирии под римским господством⁵³. Показательно и щедрое предоставление сирийским городам «автономии» и «свободы», статуса колонии и италийского права, что в свою очередь объясняется политической позицией императоров в условиях конфликта с Парфией. Императорский суверенитет над городом выражался прежде всего в том, что правовой статус последнего (в том числе его суверенность) зависел от волеизъявления императора, что восходило к римскому обычаю «возвращать» завоеванным обществам их государственность и законы, кроме того, во взимании налогов и повинностей, выросших из военной контрибуции⁵⁴, наконец, в том, что, как показывает и пошлинный тариф из Пальмиры, полисные власти должны были свои действия согласовывать с общей политикой римских властей по каждому данному вопросу. В конечном итоге эта система имела тенденцию к постепенной ликвидации полисной суверенности и к замене ее исключительно императорской властью, однако даже в III в. н. э. эта тенденция еще не была реализована.

На землях, находившихся непосредственно под императорской юрисдикцией, может быть отмечено существование крупного и мелкого землевладения, причем в отдельных случаях наблюдается тенденция к захвату общественного земельного фонда (Wadd., 2505), против чего местные власти принимают необходимые меры. Материалы, опубликованные Ж. Чаленко, показали, что в поселениях были поместья римских ветеранов; не исключена зависимость от этих последних местного мелкого крестьянства⁵⁵.

Исходя из всего изложенного, сословную структуру сирийского общества эллинистическо-римского времени можно себе представить следующим образом: по признаку личной зависимости — рабы (и в том числе лично зависимые *λαοὶ* эллинистического времени), с одной стороны, и свободные (в том числе формально свободные пара-

⁵¹ CIS, II, 3913; DEPP, 17B, 18, 25, 28, 31.

⁵² CIS, II, 3901, 4171—4174, 4385, 4339, 4340, 4482.

⁵³ Ср. Р а н о в и ч, Восточные провинции..., стр. 138.

⁵⁴ Ср. Th. M o m m s e n, Römische Staatsrecht, Bd. 3, Abt. 1, стр. 728; J. M a r q u a r d t, Römische Staatsverfassung, 2, Lpz, 1876, стр. 186.

⁵⁵ T c h a l e n k o, Villages antiques de le Syrie du Nord.

монарии — «временные рабы» из Дура-Европус), с другой; по признаку гражданского статуса — подданные царя или императора (среди них в период эллинизма лично свободные *λαοί*, землевладельцы на царских землях и т. п.), с одной стороны, и люди, находившиеся под юрисдикцией полиса, с другой. Среди последних, в свою очередь, могут быть выделены по признаку своего юридического статуса, т. е. по сословному признаку, полноправные граждане и неполноправные поселенцы. Классовая структура сирийского общества этого же периода выглядит следующим образом: эксплуатируемые непосредственные производители, лишенные средств производства (в том числе рабы и формально свободные парамонарии; существование батраков и наемных работников в ремесле применительно к Сирии пока не засвидетельствовано, однако в нем едва ли возможно сомневаться); мелкие и средние хозяева, непосредственно участвующие в процессе производства и эксплуатирующие, если имеется возможность, чужой труд; крупные хозяева, непосредственно в процессе производства не участвующие, живущие за счет эксплуатации чужого труда. Среди обеих последних групп могли быть и рабы, и лично свободные ⁵⁶.

В целом римский период в истории Сирии предстает как естественное продолжение и развитие эллинистического, который, в свою очередь, продолжал и развивал не только тенденции, характерные для классической Греции, но и тенденции, характерные для внутреннего развития самого сирийского общества доэллинистического времени. Одновременно мы наблюдаем здесь вызревание тенденций, впоследствии приведших к установлению системы домината.

И. Ш. Шифман

SOCIO-LEGAL GROUPS IN SYRIAN SOCIETY OF THE HELLENISTIC-ROMAN PERIOD

by I. Sh. Shifman

In discussing the main socio-legal groups (estates and classes) in Syria at this time the author notes that the *λαοί* of the Hellenistic period were subjects of the king (the population on the lands which came directly under royal jurisdiction), and also that on the royal lands, besides the overall sovereignty of the king, there was divided ownership of land: supreme ownership by the king and subordinate ownership by private persons. The estate structure of Syrian society may be represented as follows. By the criterion of personal dependence there were slaves (including, in the Hellenistic period, the personally dependent *λαοί*) and freemen (including the formally free paramonarii of Dura-Europus); by the criterion of civil status there were subjects of the king or emperor (among them, in the Hellenistic period, the personally free *λαοί*, cultivators of the royal lands, etc.) and persons under polis jurisdiction (among them the citizens and those living on polis territory without full citizenship rights). In this period the class structure of Syrian society looked like this: the exploited direct producers who owned no means of production; the small and middle owners who took a direct part in the process of production and exploited, if they could, the labour of others; the large owners, who did not participate in the production process. Any of these groups might include both slaves and free persons.

⁵⁶ Как известно, все правовые системы древности исходили из предпосылки, что юридическим собственником имущества, принадлежащего рабу, был его владелец. Однако мы видим в реальной жизни рабов, свободно владеющих и распоряжающихся своим имуществом, т. е. располагающих полномочиями собственника. Соответственно такие рабы могут быть отнесены к двум последним группам.